

Passenger

TOTTI

*НЕ ВСЕ СУЩЕСТВА
СОЗДАНЫ ДЛЯ ТОГО,
ЧТОБЫ ИХ ТАК ЛЮБИЛИ*

ЭДИТ СЕДЕРГРАН

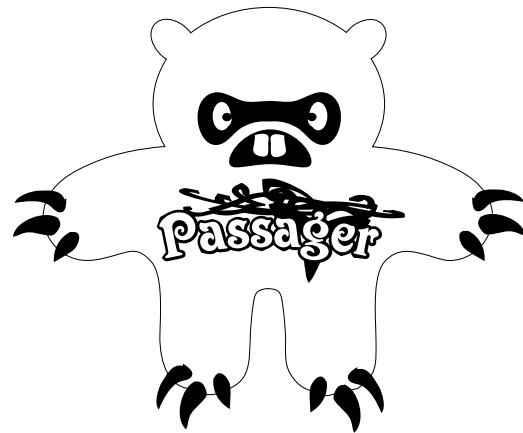
№ 8

Passager

когда пейзаж проплывает мимо

№8

www.passager07.narod.ru

ПЕЙ заж/sage

КЛАСС ик/ic

В ТЕМУ 1/4

СЛАЙД шоу/show

НА КО вер/ver

псевдо/pseudo ТЕЛЕГА

СЛАЙД шоу/show

TUDA >>>/stop

КОНСЕРВА ция/tion

фото/photo GRAPH

video/sound ДОРОГИ

© 2006 г.

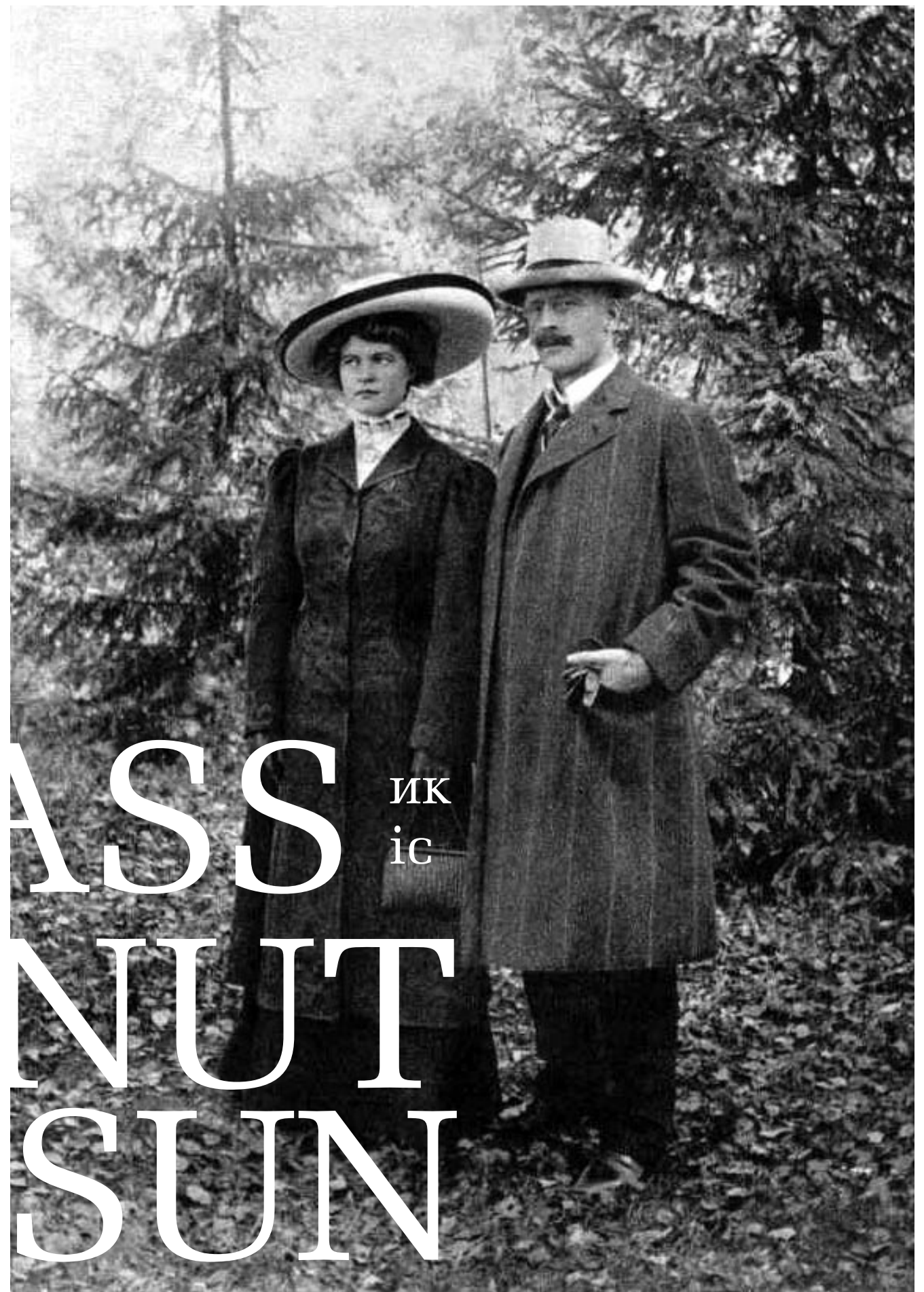
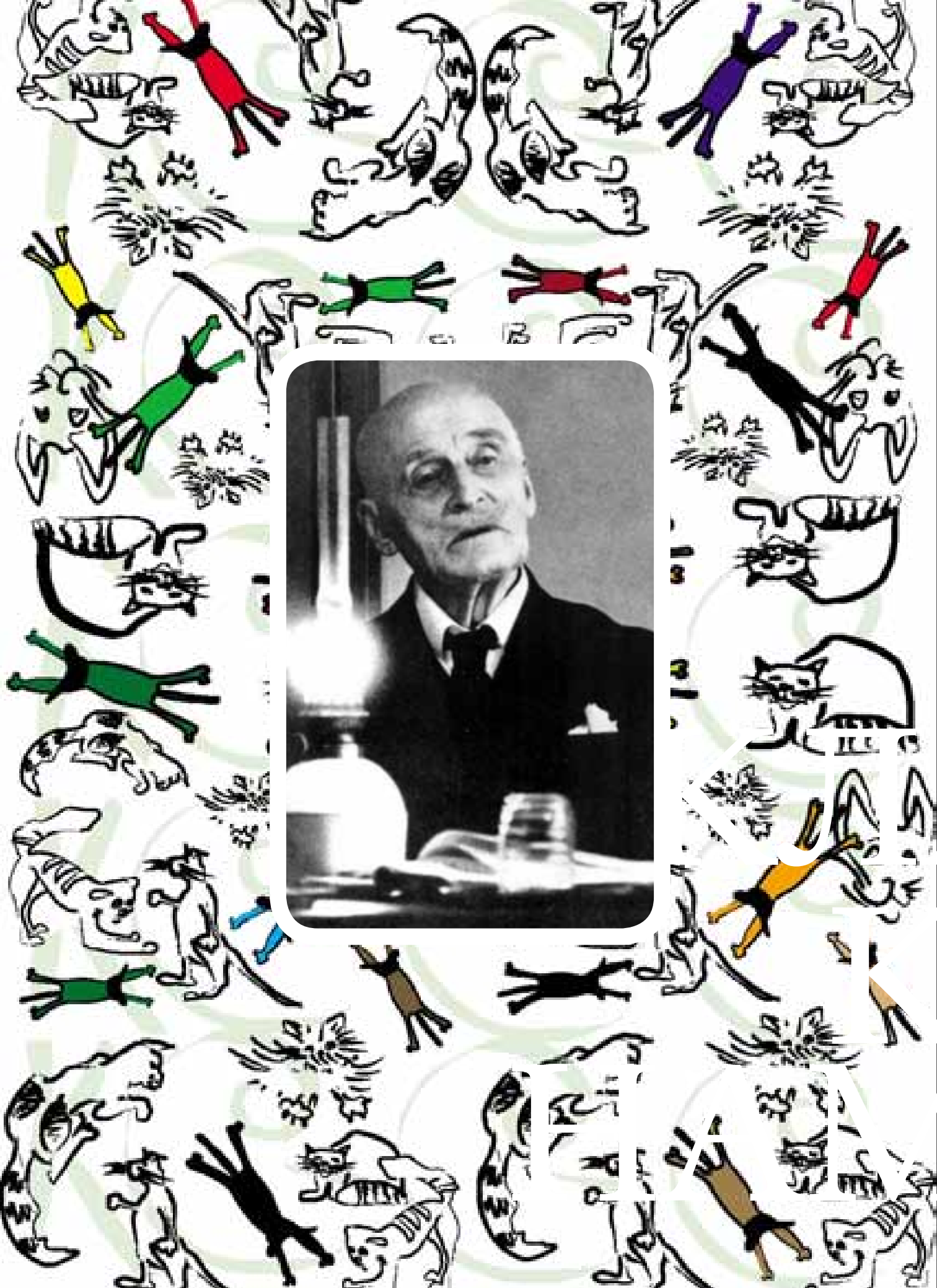
КЛАСС ИК
KNUT ic
FLAMSUN
ВЫБОРСКЕ
БЫТМОСЦИ

En vander spiller med sordin
1909

Мудрец – что знает он о женщине?
Во-первых он не мог стать мудрым, пока не состарился, следовательно он знает женщину по воспоминаниям. А во-вторых у него нет и воспоминаний, ибо он никогда не знал ее. Человек, имеющий предрасположение к мудрости, всю свою жизнь занят только этим предрасположением, и ничем другим, он холит его и пестует, трясется над ним, живет для него. Никто не ходит к женщине чтобы набраться мудрости. Четверо мудрейших мира, которые

нам оставили свои размышления о женщине, сидели и выдумывали ее; они были стариками, независимо от того, молодыми или преклонных лет, они умели ездить лишь на волах. Они не знали женщину в святости ее, не знали женщину в прелести ее, не знали что без женщины нельзя жить. Но они писали и писали о женщине. Подумать только писали никогда не видел ее.

Боже упаси меня от мудрости! До последнего своего дыхания я не устану твердить: упаси меня боже от мудрости!

ASS
NUT
SUN

ик
ic

HAKO *Böp*
ver

VIIPURI 8

Passager_VM_2000_2005.exe

Passager_EDICH_Primorsk_2005.exe

Passager

© photo: archiw 1980s

Выборг
WYBORG
VIIPURI

Nº 8

B

V

W

txt, photo: EDICH

photo: VM

Удачное начало путешествия. Знак. Нивелировка среды космическими энергиями. Диапазон эстетических переживаний расширился минимум в два раза. - Наш автобус врезался в стоявший посреди дороги, в 30-ти километрах от Питера, автокран. Водитель крана сетовал: "Ну вот, вчера только повесил новое ведро, а оно всмятку!" Сидел на втором этаже у лобового стекла. Ноги заворотил на поручень. Любовался лентой ночной дороги, чернильными тучами на горизонте. Ощущение полета. Повторил на следующую ночь на пароме. Верхняя палуба, я один. Очень яркие звезды. Ощущение полета на ужине. Шведский стол. Есть выражение: бродить по городу. Я летал... Сильное впечатление от рыбного магазина (где-то в стороне от туристических троп) и ящика с крабами. Городской рельеф, улицы в двух уровнях. Велосипедисты и велосипедистки, особенно пожилые дамы. Старики в велосипедных шлемах, покупающие продукты. Город. Улицы. Постройки. Люди.

Passager_varagi_2000_2005.exe

txt: КСЕНИЯ

photo: SHARMANT*KA, txt: EDICH

псевдо/pseudo ТЕЛЕГА

Мыло на развороте

Человек создает свой мир внутри себя – живет в нем - это виртуальный мир. В нем есть свой пантеон. Реальный мир переплетается с вымышленным. Человек размышляет – он здесь и сейчас – но это иллюзия. В его мир вселяются другие персонажи – расширяются границы. И новые заложники попадают в плен все тех же иллюзий.

Живем среди мыльных пузырей. Наш персональный пузырь, вероятно, находится внутри другого огромного пузыря. Надо прилагать немалые усилия, чтобы твой пузырь выглядел не хуже других, соседних. Может быть это страх смерти (он же может лопнуть).

У журнала есть разворот – две полосы. Как они поступят друг с другом? Здесь интрига. Интрига мгновения. Ты делаешь мгновенный выбор, все как в жизни. Каждую секунду.

“Я думаю, любое произведение, в котором есть целостность и гармония, всегда создается художником ради одного–единственного человека. Его аудитория – одна душа.”

Курт Воннегут

Надпись на кафельной стенке душевой комнаты в моем пантеоне.

псевдо/pseudo ТЕЛЕГА

Наши поступки говорят одно, мысли – другое, а чувства – третье. И, если даже человеку кажется, что он настолько гармоничен сам в себе и механизм “поступки–мысли–чувства” четко отработан и каждый отдельно взятый элемент этого механизма – это и есть суть его самого, имеющая исключительно единое значение, то все равно есть вероятность, что другие–то его не поймут!

псевдо/pseudo ТЕЛЕГА

ПЕРЕМЕННАЯ ОБЛАЧНОСТЬ

Откровение на то и откровение, соломки подстелить не успеешь! Любовь это тоже откровение. Откровение - это открытие! Что-то в тебе открывается, какая-то дверца. Например: Колумбу откровение обернулось Америкой... Но Колумб же космонавт - потому так и случилось.

Мой звездолет приземлился в Каннельярви. Не знаю, как переводится, но звучит красиво! Створы шлюза открылись с металлическим скрежетом. Меня вытолкнуло на поверхность.

Следующий населенный пункт - Green Town. А пока осмотрюсь здесь.

GREEN TOWN

Напоминает Шаолинский монастырь. Не суть... Важно другое - тамошнее племя живет в двух измерениях... На самом деле измерение одно, но мы так говорим. Нам всегда хочется все разделить, расставить по полкам. В детстве многие начинают мечтать о профессии космонавта, не думая о том, что они рожденные в космосе.

УТРО СЛЕДУЮЩЕГО ДНЯ. РОЖДЕНИЕ.

Соплеменники одной цепью, образуют круг гигантских размеров. Перемещаются относительно центра. У нас это называется хороводом. Потом останавливаются. Лес, трава и облака двигавшиеся в противоположном направлении тоже останавливаются. Хоровод дышит. Ритм дыхания меняется... Солнце иногда прячется за облака. Становится прохладно. Потом его лучи снова ласкают кожу. Резкий мощный вопль на выдохе. Это опять хо-

ровод. Молодые соплеменники следят за наставником в центре. Для них это важно.

Наверно был дан знак к новому действию. Пушистое облако над хороводом, похожее на живой обруч, сжалось и приобрело новую форму. Построение учеников теперь стало напоминать взвод солдат. Облако двинулось в лес. И ученики побежали... Началась утренняя пробежка.

ДЕНЬ

Ежик...
Желтеющий лист, проколов иголкой,
Может просто молчать...
И при этом остаться собой.

(ВЕТА ЗАЙЦЕВА - Солнечный ветер)

ЗАКАТ

Цепь облаков. Оттенки лилового и пурпурного. Пятилетний сын моего друга восторгается: "Это солнце!". Друг мечтает, что бы его сын оставался космонавтом всегда, даже когда вырастет. Везде таскает его с собой. Привел его и сюда. Наверно это правильно.

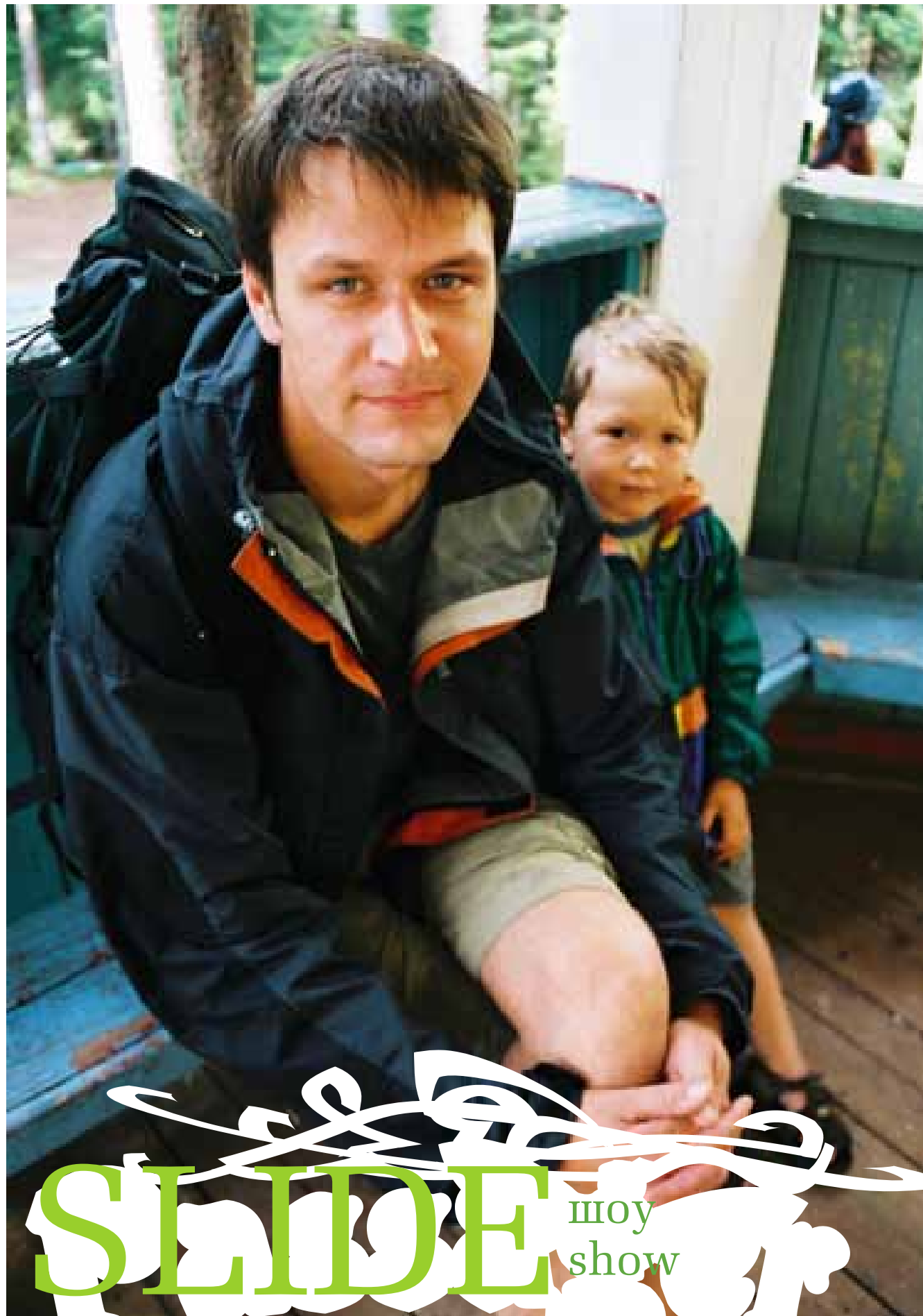
Но вот и мой звездолет. Мы прощаемся.

Колыбельная после отбоя
Не ложися, на краю ...
Придет серенький волчок
И укусит за бочок...

И так...
Нежно-о-о-о...

Озеро. Маленькое. Лесное. Стелется туман. Сосны затихли.

Passager_EDICH_Green_Town_2002.exe

MON REPOS

txt: IGNAT, photo: VM, graphic: EDICH

ПОДРАЖАНИЕ ГАМСУНЫ

Мы сидели на полу и собирали вещи. Брат завязывал свой черный кожаный рюкзак серебристо-полосатым шнурком. А я запихивал в сумку и затягивал ремнем дорожное постельное белье и книги: "Туда и обратно" Толкиена и Гамсуна, не зная, о чем думал брат. Мои же мысли никуда не спешили. Радость встречи с братом; озабоченность: что я так и не смогу понять увиденное в нашем походе по СПб; вкус кофе, выпитого здесь и в маленьком кафе "Palette gallery", на Старом Невском; вездесущий модерн здания напротив – существовали одновременно.

Народ высыпает из старой деревянной, с горячими от обогрева сиденьями, электрички. Мы прыгаем на платформу около девяти часов. Темно. Я успеваю разглядеть какой-то революционно-военный орнамент на переходе и на здании вокзала. Как и все, мы стремительно движемся в город. Но толпа напирает. Успевая пожалеть о старом, разрушенном во время войны вокзале, проталкиваюсь через дверь. Совершенно ничего примечательного, если не считать виднеющихся вдалеке браммауэров. Тут мы переходим на бег. У меня впереди маячит, кидающийся из стороны в сторону, с каждым шагом, рюкзак брата. Я, как молодой солдат на войне, стараюсь не подкачать, подражая старому. "Казак с шашкой нас минует", так как но-

мер автобуса оказывается не тот и мы идем, скорым походным шагом, вдоль дороги широкой и асфальтированной к тем самым браммауэрам. Этот при вокзальный район определенно плох. Это город, но домов я не запомнил. Вероятно эти кирпичные коробки не привлекли мое внимание. Свернули. Пошла мощеная улица. Слева парк, говорят очень протяженный, с черными толстыми силуэтами деревьев XIX века. Потом рыночная площадь, такая же мощеная, с толстенной башней выложенной из камня. Добротные здания банков, контор, построенные лет сто назад. И вот тут я попал в средневековый город.

Да. Да. Только вступили на улочку проходящую между домами. Почувствовал стены домов вдоль дороги, вздымающейся вверх. И такую же дорогу куска неба над домами. Перекресток с улочками идущими с холма к заливу в обе стороны. Старый город быстро кончился. Навстречу нам попались несколько жителей и одна гуляющая пара. На голове у мужчины и женщины были шерстяные колпаки. В темноте, при тусклом освещении фонарей, их силуэты казались совершенно средневековыми, как и город. Начали бить городские часы на башне "Сторожевая". Звон каждого боя разносился над каменными улочками. Когда звуки замолкли, я находился на холме прямо над мостом. Возле которого на причале стоял финский

псевдо/pseudo ТЕЛЕГА

ресторан-параход. Оттуда была пара прожекторов, похожих на фары автомобиля. С другой стороны моста были видны углы старой крепости и Дон-Жона, поднимающиеся вверх. Ночью она не показалась неприступной. Наверно черное пространство воздуха залива сжало масштаб. Вот идем по мосту, как два припозднившихся по делам путника. Точнее я путник, а брат хозяин, живущий где-то за городом, пригласивший меня к себе. Этот грозный и тревожащий воображение призрак замка остался позади. Дома кончились. Мы со спокойной уверенностью прошли через первые городские ворота редутов. Я посмотрел на свои сапоги. Ноги ступали по дороге, вымощенной ровными прямоугольными серыми булыжниками. Шаги гулко отдавались в своде арки. Это был рубеж города. Камни еще раз охватили нас целиком, обняли, расставаясь. Снова показалось небо. Нас окружали насыпи и скалы, образуя котлован зелени травы. Еще одна, точно такая же арка, но за ней через мостик виднелись открытые пространства полей, перелесков, загородных дорог. Мостик деревянный и подгнивший с прорехами, открывающими дно рва. Местами приходилось идти по очень узкой доске над самым дном канавы. Было нисколько не страшно. Сорваться вниз мы не могли, так как давно привыкли к средневековым дорогам. Вышли на проезжую дорогу ведущую к Северному предместью. Нас нагнали два или три всадника, спешащих куда-то, и умчались вперед, со звуком рева мотора. Было темно. От фонаря к фонарю дорожка поднималась вверх на холм. Мимо больших двухэтажных домов, каких-то кустов и деревьев. Все это было расположено очень близко. И дорога, превратившаяся в тропинку часто петляла. Я начал представлять каким мог бы быть наш дом:

Коричневая тропинка, засыпанная иголками сосен, поплутав между старых стволов, подводит к крыльцу из грубо обтесанных валунов серого камня. Широкая крыша дома навалилась всей тяжестью черепицы на мощные стены, добротные оштукатуренные толстым слоем, местами обвалившимся. Несколько маленьких окон под крышей и пара на фасаде, подозрительно всматриваются в неизвестных гостей. Где то рядом, за густым лесом и тьмой воронья, берег залива, покрытый группами вздыбившихся полускал.

Или так:

Узкая тропинка, иногда превращающаяся в ступеньки, виляя между глыбами бордового камня, покрытыми голубыми мхами залезает вверх. Ветер дует слабо. Раскидистые сосны преграждают ему дорогу. Преодолев подъем, выходим на площадку с домом, обсаженным деревьями и прикрытому скалой. Дом прилеплен задней стороной к каменной стене. Большое девяти стоечное окно направлено на север, где виднеются коричневые пространства фиордов и темно-зеленые холмы островов.

Я спросил о нашем домике брата.

Между тем мы продолжали подниматься все выше и выше. И шли мы уже по скале из красного гранита, местами поросшего травой. По обеим сторонам улицы стояли дома, когда-то давно-давно построенные финнами. Это и было Северное предместье. Сейчас, через несколько дней, записывая эти строки я благодарен домам, скале, камням. Когда я их вижу, дух мой откликается, прекрасные воспоминания оживают. Гармония ощущений необычна и чудесна. Я не могу сказать чем притягивает душу эта земля. Может быть светлой звонкостью воздуха или утонченной суровостью скал. О скалы. Это окаменевшая земля. Мягкая и упругая, теплая иногда влажная.

Мягкость и теплоту камня понимают мхи и травы этого края. Как можно забыть радость соприкосновения с шершавой, как махровое полотенце, поверхностью. Не я один *Это* знаю. Сосны подтвердят *Это*. Их крепкие и упругие корни возлагают на камнях и обнимают их. Время деревьев иное, чем у людей. Гибкость и стройность их связана с этим другим временем, более неспешным относительно привычного нам. Дома знают об этом, ведь век их так же долговечен. Если вы спросите Они нашептуют и вам. И за это я им благодарен.

Наш дом как и все другие дома стоит на прочном фундаменте собранном из больших каменных глыб. Несмотря на свой возраст он исключительно строен. И едва ли раньше был более прямым, разве только покрытое трещинами крыльцо с выбоинами от времени, да потертая дверь с расколовшимися рейками напоминает о прожитом времени. Глиняного цвета кора штукатурки так же хорошо защищает стены. Окна большие и открытые для солнечного света. Надо сказать, расположение их необычно для русской привычки, и я бы сказал сурово. Это и отпугивает морозный ветер, который здесь не редкость. Стропила крыши сделаны из крепких брусьев, закаленных морозом и окованных ветром. Такие же ладные и соседи моего дома. Снаружи обиты смолеными, почерневшими от времени досками и рейками. Внутри дома просторные. В них спокойно размещались большие семейства: от бабушек и дедушек до внуков и правнуков.

Содержимое нашего дома было весьма необычно. С первого взгляда он был довольно захламленным. Но если учесть, что тут же располагалась мастерская худ. и арх. то можно назвать это порядком. В просторных комнатах располагалось множество необычных вещей. На полке камина, пристроен-

ного к печке стояла банка с цветком, сохранившимся с весны. Рядом стояла черная пушечная гильза с верхом, срезаемым наискосок. На стенках были развешены подковы, кованые петли, совсем ржавый шлем соседствовал с металлургическим рукомошником, привлекавшим внимание ажурным, необычным по форме краником. Несколько кульманов, различные приспособления для черчения и горы, завалы по всем столам журналов и каталогов по архитектуре. Прямо напротив камина у стены стоял буфет красного дерева с аккуратными точеными деталями. Над ним висела, зачем-то прибитая к стене пишущая машинка времен постройки дома. Расхаживая по просторным комнатам я постоянно наткался на самые неожиданные вещи. Так среди самых необычных по форме и цвету стекла бутылок я обнаружил стоящее на греческом постаменте устройство для ориентирования на местности: с уровнем, каркасом, разнообразными угломерами и подзорной трубой (секстант?).

В помещениях было холодно. Мне предложили переодеться. Облачившись в свитер, вязанный из грубых толстых пряжей, и такой же шерстяной колпак, а так же в совершенно потрясающую по своему виду и качеству, жилетку из красно-коричневой ткани в клетку (шотландку), я стал вероятно похож на местных жителей. Забыл Вам сказать: На стенах висели две карты. Покрытые пылью, они не вызвали интереса. На одной старый план Выборга с изображением некоторых зданий, туристов занимающихся разными делами. На другой города, поселки, заливы, фиорды, озера этого древнего края. Позже эти карты стали самыми необходимыми вещами для меня. Особо надо рассказать о кухонке. Точнее кухонка умещается на добротном деревянном столе, стоящем рядом с

печкой, с необычным узором сучков на крышке. Остальная часть комнаты, занята живописной мастерской. Полочки с краской находятся рядом с электрической плиткой. Поэтому суп иногда бывает необычного цвета.

К тому времени как я осмотрел дом было уже совсем темно, да к тому же начало примораживать. Накинув на себя тулуп, без застежек и воротника, с глубоким вырезом сзади, я вышел на улицу. Оглядел прилегающий двор и улицу. С внутренней стороны дома был поставлен, бог знает когда, невысокий забор. Он удачно вписывался в окружающую местность. С востока, за горой, пологой как панцирь черепахи находился залив Защитный. Сосны, распутившие свои кроны над водным простором, держались независимо. Каждая отчетливо прорисовывалась на фоне свинцового неба. На улице не звука. То ли воздух, то ли безмолвие показались мне удивительными. Я словно ощутил присутствие тех людей, которые жили здесь раньше. Волшебство природы и города объединились, порождая явственное ощущение культуры неизвестной мне раньше. Мог ли я знать, что убеждение мое укрепится позже в "Мор Рипос". Вид ночной улицы переключался с мыслями о мудрости счастливой размеренной жизни. Взгляд привлек свет из окон соседних домов, несший тепло и уют устроенного жилья. Подчинясь желанию я вернулся в дом. Брат сидел возле камина и пил кофе. Блики огня прыгали по его лицу и разноцветным бутылкам. Рядом с цветком на каминной полке стоял мой кофе.

Комната была задымлена. Дрова сильно трещали. Вот костер громко щелкнул и из кучи выскочил уголек. Его цвет стал меняться от ярко-оранжевого, через бордовый, до черного. Я взял кочергу и поправил поленья. Взял кофе, растянулся на стуле и тут в боль-

шом старинном зеркале, потемневшем от времени увидел себя. Передо мной оказался молодой швед или финн интеллигентного вида, с немного всклооченными волосами, ужасно довольный кофе или своим креслом, а то может и вообще жизнью. Нанизав не темное полено кусочки угля, пристроил их у огня. Глядя в огонь я думал, что вот так хорошо посидеть у огня, посмотреть на привлекательную его игру, последнюю часть этой упоительной обстановки. Радио наполнило комнату ренессансной музыкой. Но я уже ничему не удивлялся. Под звуки лютни и флейты мысли вернулись к минувшей прогулке и тому призрачному замку, к его подземным ходам, кладам, людам-рыцарям и пахарям прошлого. Огонь потух и я признался себе, что часто вспоминал девушку, чьи волосы так же черны как эта ночь. Мне захотелось рассказать о том, что знаю. Пошел в темную комнату, плюхнулся на диван. В тишине раздался вскрик чайки. И сердце мое отозвалось. Что это было. Голос залива? Голос этой земли, не сумевшей смолчать. Вечная тайна родилась и была раскрыта.

Всю ночь сыпал снег, покрывая траву и камни. С утра ударил мороз. А ветер нанес тучи. Взяв ведро и нарядившись в просторный рыбацкий брезентовый плащ я вышел из дома. Воздух звенел от холода. Предметы казалось изменили свои свойства. Был мороз, пронизавший каждую песчинку. Отыскав колонку, попытался набрать воды. Нажал на рычаг. Он не шелохнулся и воды не появилось. Колонка застыла. Я огляделся. Деревня спала. Вниз от колонки уходило плато нашей скалы. Кое где на гигантском спуске вытянулись сосны. Помощи ждать неоткуда. И кости моих рук замерзли. Пришлось навалиться всей тяжестью тела на предплечье, упирающееся в рычаг. Рука казалось ломается, но вода пошла. На-

правляясь к дому, я подумал, что люди здесь должны быть как лед и камень.

У нас не хватало продуктов. Мы решили сходить в магазин. Это событие яркое проявление нашей внешней жизни. Потихоньку спускаясь между домов на параллельную улицу встречали людей, раскланивались и здоровались. На, следующей за нашей, улице, как всегда играли два щенка. Они хватали друг друга за уши и кувыркали в снегу. Магазин оказался самой обычной лавочкой с двумя частями – хлебно-чайной и мясо-молочной. Вход в первое отделение находился прямо в углу дома. На крыше лежал старый большой пес, но он не был похож на развращенных подачками городских магазинных попрошаек, нет, вид его выражал честно выполненный жизненный долг, гордость и если хотите, благородство. Войдя внутрь, мы застали чуть ли не половину населения Северного предместья. Вторая половина была в соседнем отделе. Разнообразия товаров не наблюдалось. Однако для жизни и какого-никакого выбора необходимых продуктов было все. Этот магазин являлся и центром общественной жизни – в виде доски с объявлениями администрации. Остальные новости передаются из уст в уста. Вообще этой жизни вроде бы и нет т.к. на улице не встретишь больше двух человек за раз. На обратном пути меня в который раз удивили сосны и камни.

После завтрака решено было прогуляться по городу. Минут через десять мы подходили к Аненковым укреплениям. Плоскости стен редутов пересекались под разными углами, уходили на запад и восток, опоясывая город. Это любимое место прогулки горожан. Звуки имеют здесь свою таинственную и взаимодополняющую жизнь. Здесь можно быть одиноким, погрузиться или веселиться, глядя с вершин на го-

род и людей или задуматься заметив как давно вымята эта тропка. Простор этого места впору каждой прогулке. В тот день в крошечный туман Дон-Жон уже отсюда начал за нами слежку. Мы направились прямо к нему. В крепость вход был прямо с моста. Толщина стен на входе непомерно большая. Я сделал шагов восемь прежде чем попал во двор. Строение спиралью поднимались на гору. Между ними шла дорожка к внутреннему дворику. Слева и справа попадались большие и маленькие дверки, кованые и некованные, различные бойницы окошки и продухи. Теперь тут располагаются выставки, "кафушки", галереи, музей. Внутренний дворик – это прямоугольный колодец прямо у подножия главной крепостной башни Дон-Жона. Вход в башню находится высоко от земли. В средние века к нему вело деревянное крыльцо, которое сжигалось в случае опасности и башня становилась неприступной. Вед толщина стен при основании около 5-ти метров. Эта толща полна всякими ходами и убежищами. Наверх ведет железная лестница, построенная в начале века, проходившая мимо всех 32-х окон. Мы вылезли на самый верх башни, на поля шлемообразного петровского завершения. Мне открылась целая страна. Вид этот завораживал. Я не верил своим глазам. Десятки островов, кос, мысов, полуостровов. Тысячи заливов, бухт и бухточек. Горизонт не ограничивал, как в нашей Белозерской местности, пространство. Граница земли, неба и воды продолжалась дальше. Воображение рисовало последний западный порт России, а за ним берега Финляндии. Где-то далеко за защитной бухтой был Ленинград. С другой стороны древний город предстал со всеми различными настроениями его построек. Дома образовывали лабиринты дворики, выявленные рельефом скалистой местности. Строгая

и лаконичная красота зданий, украшенных естественными каменными орнаментами, не накладывала ограничений на цвет. И город радовался с тобой всеми прекрасными оттенками пастельных тонов. Крыши и трубы зданий с игрой объемов и пустот преобразовывали пространство, наполняли его бесконечно глубоким смыслом. Центром этого чуда, созданного человеком была Сторожевая башня с часами. Без ее остроконечного верха город вряд ли был таким завершенным. Это был лучший ориентир для путника спешащего к центру с любой стороны города. На башне дул сильный ветер, но это радовало, как знак приобщения человека к этой земле в целом. Не только к земле, но и к воздуху и морю.

Спустя некоторое время мы с братом шагали по маленьким улочкам, разглядывали кованые решетки с плавными изгибами прутьев, самые причудливые эркера, заглядывали в места скрытые от взора прохожего. За каждым домом текла спокойная тихая жизнь, не мешая жизни соседнего дворика. Скалы и дома существовали вместе. Мы прошли мимо колокольни и стали спускаться к толстой башне стоящей на рыночной площади.

За ней открылась любопытная картина, закономерная с исторической точки зрения. Рыночная площадь замощена таким образом, что образует два ряда мест для телег торгующих, приехавших с окрестных районов. Эти места сейчас были заняты "тойотами", "вольво", "мерседесами", "нисанами" и т.д. Номера многих были финские, голландские. Здание самого рынка сохранило прелесть архитектуры еще с незапамятных времен. Оно было украшено в согласии со вкусами грубоватого северного жителя. Изнутри он выглядел не менее цивилизованно, чем с наружи. Яркое освещение разбивалось на множество огоньков

на гранях хрустальных ваз и сервизов. Воздух был наполнен мелодичными постукиваниями стеклянных палочек о фарфоровые чашки и блюда. Здесь таким образом привлекали покупателя. Сельхоз. продукция была тщательно вымыта и расфасована. Бабушек, тех торгующих пожилых женщин, так привычных нам, было не узнать, они рекламировали свой товар на финском, английском, немецком. Прилавки ломались от множества сувениров и ярких вещей, качество которых не вызывало сомнений. Мы подошли к одной женщине, специализирующейся на табачных изделиях. Она приветливо улыбнулась. Брат выбрал себе папиросы, отдал деньги. Ему ловко вернули сдачу. Мы вышли с рынка пробрались между автомобилями, продолжили прогулку.

Надо сказать она была очень приятной...

В городе снегопад, сочетание зеленых листьев и снежных хлопьев, такое первый раз. Читал "Mon Repos" - очень показательный пример твоей идеи. Вскрыл эту консерву - и как-будто окунулся в атмосферу Выборга начала 90-х. Настроение прет. ЗаЗлРовано плотно - предложения, как выброшенный прибором тростник на песке городского пляжа. Каждую тростинку можно разглядывать, каждая пахнет морем и ветром и вместе они словно карельский орнамент, простирающийся до горизонта. У тебя даже сохранились те старые рисунки?!

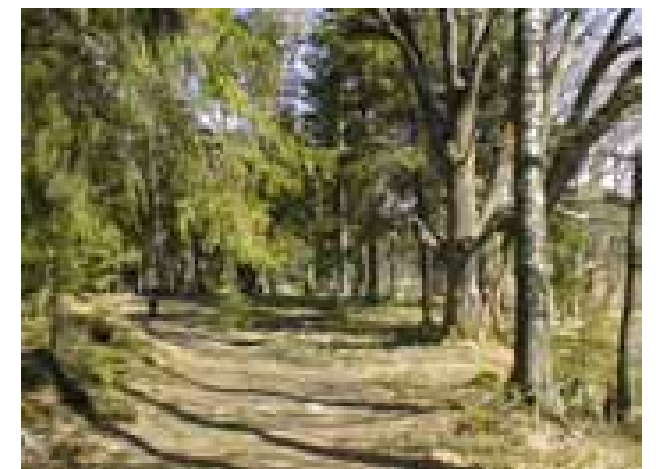
В Выборге снега нет, ветер очень сильный с севера. В Хельсинки на днях был настоящий(?) латино-американский карнавал, прямо на площад у вокзала...

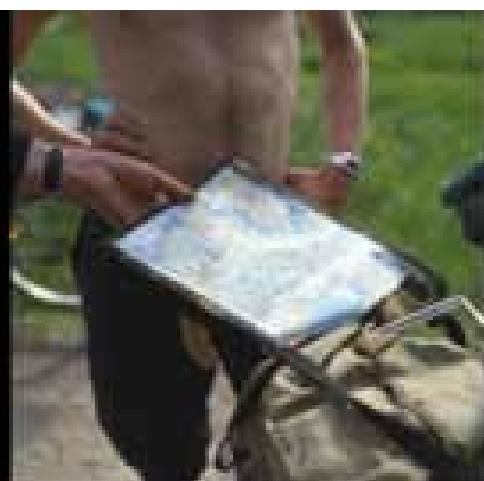
Гуляли с Димкой сегодня по Северному поселку, сделали фотофиксации для тебя - "поливал" налево-направо. Вес 4,5 Мб

У Дома новый хозяин - е..ся сейчас с ним, хочет в одной половине во всю высоту гараж сделать, а в той части где камин 2 жилых этажа. Познакомились с ним, поговорили - мужик рукастый, да еще и оптимист - заху..ит гараж и глазом не моргнет. Откопал финскую канализацию и заброшенный колодец - доволен. К сожалению уже темновато было внутри Дома и многие снимки получились размытые, тебе я их и не отправляю.

Я в растерянности, ну ты даешь! Я скромно попросил 3 штучки - получил нечто! Душа выпрыгнула! До сих пор немогу прийти в норму! Спасибо тебе и Димке! Полное ощущение присутствия, сна, какой-то матрицы впечатлений, программа, заданная в послании, развернулась...

На карточку в фотике влазит около 200 снимков 640x512, 144 dpi. Решил полить все вокруг, чтоб тебя накрыло впечатлениями. Я вообще-то тоже там насытился эмоциями.

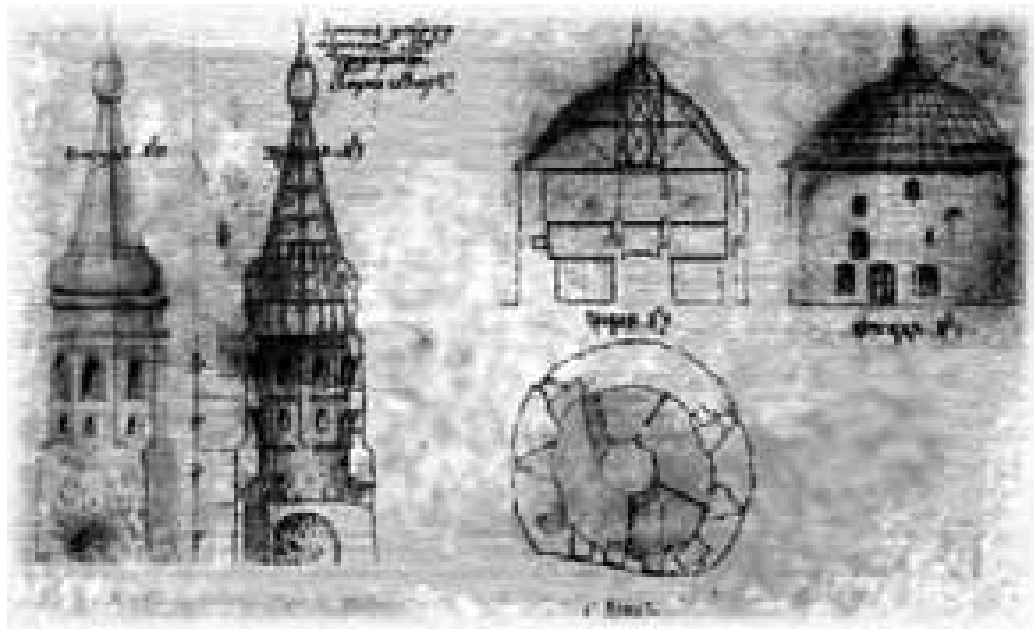

SAMU рай rai

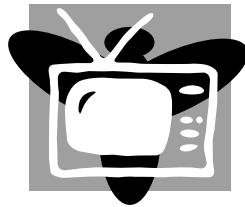
photo: YUSSI PANAJARVI

Vyborg.WMV

txt: EDICH

Ночью копировали старинные чертежи, имитировали “патину времени” – деньги зарабатывали. Днем работа в реставрационных мастерских – раскопы, обмеры, проекты. В нашем распоряжении был архив: старые фотографии, чертежи, пояснительные записки. Натура тут же, за окном. Археолог приносил свежевыкопанные голландские трубки, железки, черепки. Тамбур был завален всякой всячиной.

Интересен процесс имитации старины. Как это происходило? После готовности чертежа, примерно так:
Мнешь - разглаживаешь (несколько раз)
Трешь об пол (там всегда полно песчинок)
Обжигашь край (спички, свеча)
Капаешь жидкость (пятна, размывы)
Входишь в раж...
В конце аккуратно проглаживаешь утюгом.

Passager_archiv_1930s.exe

фото
photo

GR APH

Вчера я и Юлина бабушка привезли ко мне домой кошку. Ее зовут Чака (Чайка). Ехали в метро. Она все время пыталась высунуть голову из сумки, иногда ей удавалось обмануть нашу бдительность и осмотреться вокруг.

В квартире она с молниеносной скоростью обнюхала все углы, освоилась. Мы привезли ей все ее иму-

жать Юлину бабушку, когда вернулся, Чаки нигде не было. Но убедившись, что вокруг все в порядке, она вылезла из-под ванны. Было заметно, что она слегка нервничает, оставшись без хозяйки. Обнюхивала стул, на котором сидела бабушка, вешалку где находилось ее пальто, какое-то время дежурила у входной двери, прислушива-

щество – ванночка-туалет, миски для еды и питья – и она, не откладывая, перекусила. Потом принялась за обследование «второго этажа»: столы, подоконники, стулья. Нашла «точку дислокации» на столе между телефоном и компьютером. Действительно это единственное место откуда контролируется все пространство, все входы и выходы.

Потом мы ушли, я пошел прово-

лась к каждому шороху с лестничной площадки. Я угостил ее колбасой, она не отказалась. По-моему уже успокоилась. Стала умываться по-кошачьи. Позже я застал ее на подоконнике в лирическом настроении – смотрела вниз на улицу с высоты пятого этажа. Приблизился вечер.

Я включил телик, устроился на диване – она примостилась рядом, свернувшись калачиком.

@ @ @ @

///

@ @

o () o

//

@ @

))

(, (/

@ @

_ 3

0 _

φOTO
photo
GR
APH

фото
photo

GRAPH АРН

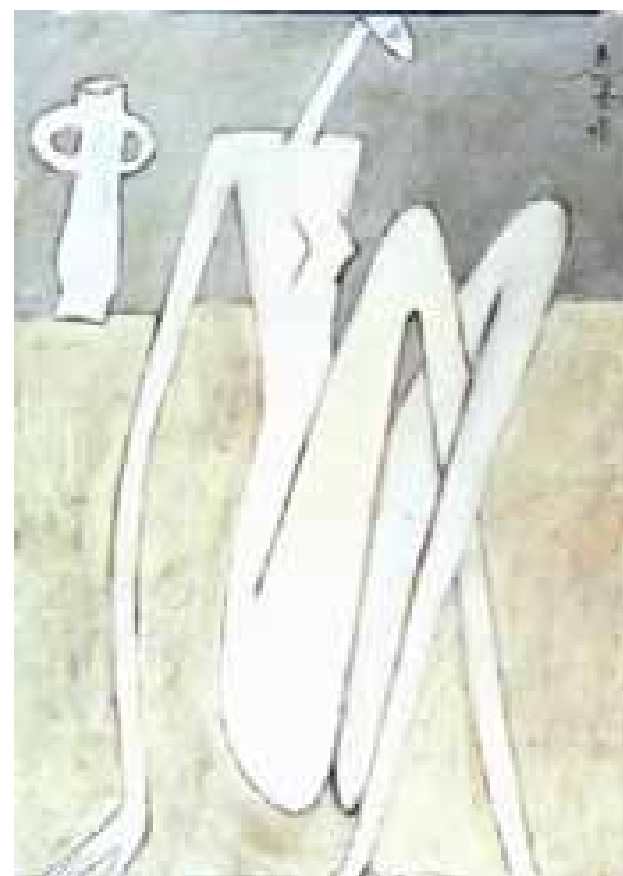
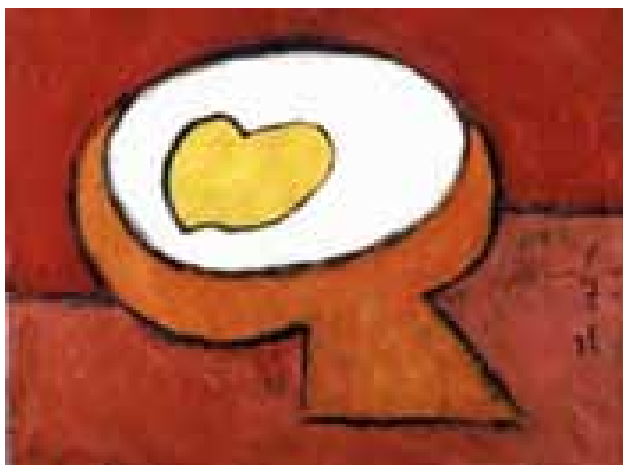

фото
photo

GRAPH

φOTO
photo

GR APH

Podgon_MV.m3u

video
sound

ПОРОГ

It's Ruggdly Virile, It's Karate Quick, It's:

BACK NUMBERS CAN BE EASILY PROCURED

Prepared for P.E.A.P.S. mailing #64
July 2003
Issue 7

Warren Harris

(707) 577-0522

email: argosy_collector@yahoo.com

1130 Fourth Street, #116
Santa Rosa, CA, 95404

In This Issue:

Articles:

The Big Book Score.....	8
Gentle Madness, The Collyer Brothers and Me	8
I'm Not Langley Collyer, Yet.....	12
The Cream of The Crop.....	14
Received in Trade.....	16
Believe It Baby, These Books Blow.....	17

Regular Features:

Reading and Rot (recently read books).....	2-5
Pulp Sightings	8
Mailing Comments, mailing 62 & 63.....	20-22

The Men Who Made The Argosy:

Frank L. Packard.....	6
John Kent.....	6
Chandler Whipple	6

TUEST

fan
zine

© BackNumbers200307.pdf

